

дов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч.4. СПб.1779. С. 8.

¹¹ Хатай – одно из названий Китая в Западной Европе и на Ближнем Востоке в средневековье и новое время.

¹² Хотан – оазис и город в Восточном Туркестане (сейчас южная часть Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР); находился на Великом шелковом пути и был крупным торговым и ремесленным центром.

¹³ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.2. М.: Наука,1979. С. 170-171.

¹⁴ «Джангар». Калмыцкий героический эпос. Элиста. 1977. С. 345.

¹⁵ К.П.Шовунов. Очерки военной истории калмыков (XVIII-XIX вв.). Элиста, 1991. С. 177.

¹⁶ Н.Шефов. Битвы России. М., 2002. С. 576.

Э.П. Бакаева

Этнические стереотипы и проблема семантики кочевого жилища¹

Формирование этнической специфики в жилище, в способах систематизации пространства при его освоении, взаимосвязано со сложением этнических стереотипов в культуре и представляет собой круг интересных, но все еще недостаточно разработанных проблем. Жилище центральноазиатских кочевников исследовано в плане конструктивных особенностей, символики основных элементов, типологии². В ряде работ обращалось внимание на взаимосвязь традиционных правил поведения и структуры жилища. Концепция жилища как прообраза космоса, модели вселенной, символики его как микромира кочевника разрабатывается как отечественными, так и зарубежными этнографами³. Нашей задачей является попытка анализа отдельных стереотипов в символике жилища и сравнения их с этническими стереотипами в одежде, исходя из тезиса о единстве традиционных представлений об этнической специфике в материальной культуре, формирующейся на ранних этапах этногенеза.

Кочевая юрта (кибитка) – жилище, появляющееся на стадии освоения человеком скотоводческого хозяйства, а возможно, при переходе от пастушеского к кочевому типу скотоводства. В типологии жилища исследователи материальной культуры выделяют два типа жилища скотоводов: шатры и палатки; юрты. Шатры (палат-

ки) считаются производными от элементарных искусственных типов жилья (навесы, шалаши, хижины), связанных с присваивающими типами хозяйства, господствовавшими на протяжении длительного периода до возникновения в неолите скотоводства и земледелия. Напротив, юрта, как сооружение, в котором “четко выявляется противопоставление каркаса перекрытия разборным решетчатым стенам, уже должна рассматриваться на ином типологическом уровне – как разборно-переносный вариант настоящего дома”⁴.

Время возникновения скотоводства и земледелия (период неолита) исследователи учитывают при датировке условного периода “возникновения дома”. “Историческое развитие человеческого жилища подразделяется на 5 этапов: 1) использование в эпоху нижнего палеолита возможностей, предоставляемых самой природой (пещеры, укрытия под деревьями), дополняемых каменными обкладками, навесами из ветвей и коры и т.п.; 2) появление в верхнем палеолите первых примитивных жилищ (искусственные пещеры, шалаши, хижины); 3) появление дома в эпоху неолита; 4) развитие традиционных форм крестьянского и городского дома в античности и при феодализме; 5) смена традиционных форм современными строениями с начала промышленного переворота”⁵.

В культуре скотоводов на третьем этапе, в период первоначального появления скотоводства, традиции жилища были взаимосвязаны с предшествовавшими традициями. Как известно, скотоводство прошло в своем развитии несколько стадий, на протяжении которых хозяйственный уклад развивался от пастушеского к кочевому (главные типы: пастушеский, отгонно-пастбищный, полукочевой, кочевой), соответственно прогрессу скотоводческой техники⁶.

Совершенствованию орудий производства и техники сопутствовало и развитие строительной техники, в частности, становление традиций кочевого сборно-разборного жилища. Необходимо отметить, что сложение этнических характеристик, этнических стереотипов в строительстве жилища в приведенной периодизации типов жилья, в основном, относятся к третьему и четвертому этапам; “смена традиционных форм современными”, как правило, предполагала некоторое размытие этнических характеристик жилища. Хотя племя и является первым стадийным типом этнической общности, примитивные конструкции хижин охотников и собирателей,

находясь в прямой зависимости от географо-климатических условий, не отличаются многосторонностью характеристик. Становление этнических стереотипов в конструкции, объемно-планировочных решениях юрты (кибитки) связано с древнейшими этапами этногенеза кочевых народов, связанных с основными этапами развития хозяйственного уклада. Так, переход к кочевому скотоводству был совершен в различных областях в период бронзового века и раннего железа. В I тысячелетии до н.э. в центральноазиатских степях происходило становление тюркоязычных и монголоязычных этносов, в процессе которого контакты разноразличных племен сменялись периодами борьбы. Процессы этнической дивергенции и консолидации, приведшие в I тысячелетии до н.э. к образованию новых этнических общностей тюркского и монгольского мира, не могли не отразиться в культуре этносов.

Проблема стереотипа культуры в контексте взаимосвязи с этногенезом монголов явилась на материале одежды и пищи монголов предметом исследования Л.Л. Викторовой⁷, которая пришла к следующим выводам: “в культурном комплексе, свойственном монголам, такие его компоненты, как пища и одежда, в основных чертах сложились у их предков в период становления кочевого скотоводства и прямо с ним связаны... При сохранении основного типа хозяйства обнаружилась и повторяемость доминирующих форм упомянутых компонентов культуры, что позволяет рассматривать их как часть стереотипа культуры монгольских народов... Роль стереотипа и его отдельных составляющих была очень велика в этногенезе и этнической истории монголов. Во все периоды развития от этно-лингвистических общностей до формирования устойчивого, осознанного этногенетического единства стереотип культуры имел интегрирующее значение для этой группы народов. Именно поэтому вторая его функция – этноразличительная”⁸.

Жилище является важным компонентом культуры, стоящим в одном ряду с одеждой и пищей. Прежде всего, как место обитания человека, оно является одним из маркеров пространства, освоенного человеком, представителем конкретного этноса. Среди общечеловеческих характеристик традиционного жилища – защита от окружающей среды, удовлетворение общих человеческих потребностей (приготовление и прием пищи, отдых, сон). Второстепен-

ные характеристики обладают этнодифференцирующими свойствами, которые позволяют разграничить однотипные конструкции жилища, присущего культурам различных народов.

В целом конструкция монгольской юрты и калмыцкой кибитки схожа с юртами тюркских народов. Однако исследователями указывались и черты отличительные. В первую очередь конусообразная крыша у монгольских народов, в отличие от куполообразной у тюркских; ориентация входа на юг в отличие от ориентации на восток у тюрков.

В связи с последней этноразграничительной характеристикой обратимся к традиционной схеме жилища монгольского типа.

Преемственность примитивного типа жилища ранних скотоводов с развитым типом (юртой) в калмыцкой культуре отразилась в функционировании двух разновидностей жилища. Первое – “жолм” (джолум), небольшая кибитка. Второе – “деглэ” – кибитка без верхнего круга и дымохода. Оба типа жилища калмыков-скотоводов использовались либо семьями с небольшим достатком, либо в качестве дополнительного жилья. Однако несовершенные конструкции “жолм” и “деглэ” не позволяли в мировосприятии калмыков являться этническими символами. Юрта в традиционных представлениях монгольских народов – символ взаимосвязи с Вселенной, ее модель. Отсутствие стен, не позволяющее отнести “деглэ” к типу кочевого “дома”, в традиционном мировоззрении подобно нарушению порядка. Символика хаоса, нарушения порядка отражена в калмыцкой пословице “Деглэ гер өркэн бардг” (кибитка без дымохода – губит обитателей)”⁹.

Среди кочевых тюркоязычных народов Южной Сибири распространена ориентация юрты, отраженная в следующей пословице: “Дверь на восток – тор на запад” (тор – почетное место)¹⁰. Восточной части присваиваются характеристики: младший, не член семьи, потомок, неполный, неполноценный. Западной части придают следующие характеристики, относящиеся, в основном, к социальной сфере обитателей и посетителей кочевого жилища: старший, член семьи, предок (старший в роду), полный, полноценный. Кроме того, противопоставление линии “восток-запад” сопряжено с понятиями “позади – впереди”. То есть, точка начала освоения пространства кочевого жилища тюрками Сибири находится неподалеку от входа, человек обращен лицом к почетной части юрты,

спиной к двери. Восток является “задней” стороной, запад – “передней”. Отметим, что мужская половина юрты у жилища тюркоязычного кочевника находится слева (от входа), то есть с южной стороны. Женская – с северной (правой стороны, если стоять лицом к почетному месту). Таким образом, в юрте тюркоязычного кочевника линия восток-запад связана с социальными характеристиками пространства. В монгольской же юрте, наоборот, несущей характеристики социальной организации является линия “юг-север”. У монголоязычных народов почетной, внутренней стороной юрты (кибитки), местом расположения членов семьи, представителей наиболее старшего поколения, является северная сторона, которую в то же время называют “задней”, так как освоение пространства кочевого жилища представителями монголоязычного мира происходит из места, расположенного рядом к почетным местом (“баран”), из позиции лицом к югу и стороне зенита солнца. В отличие от всех южно-сибирских тюрков южные тувинцы (монголоязычные) также ориентировали свое кочевое жилище на юг, подобно монголам. Так, у нарымских тувинцев юрта располагалась дверью на юг, и соответственно происходило освоение пространства (т.е. этнические стереотипы были восприняты в комплексе): восточная часть юрты считалась левой (женской), западная – правой (мужской)¹¹.

Линия же, проходящая с юга на север, в традиционных представлениях тюркоязычных кочевников связана с характеристиками рода, племени. У монголоязычных народов такой линией является линия восток-запад. Необходимо отметить, что система разделения половинных частей юрты на мужскую и женскую присуща кочевому жилищу и тюрков, и монголов. Названия эти стороны имеют разные: у тюркоязычных кочевников правая сторона – женская, левая – мужская. У монголоязычных кочевников левая сторона женская, правая – мужская. Однако данное различие не означает наличия функциональных изменений в структуре юрты. Различие обусловлено исходной точкой отсчета: лицом к двери либо спиной к двери. И в юрте монголов, и в юрте тюрков женская половина располагается по правую руку, если стоять спиной к двери у входа, и мужская – по левую. Тем не менее, семантика названий, определенных различными системами отсчета, столь же глубока и значительна, сколь и сама система координат, характеризующих пространство как основную категорию культуры.

Обратимся к вопросу о символике понятий “правый” и “левый” в других компонентах материальной культуры. Характеристики “правый-левый” являются главными этнодифференцирующим признаками, выделяемыми исследователями распашиного типа одежды представителей тюркоязычного и монголоязычного кочевого мира. Для первых характерен халат с запахом на левую сторону: верхний борт, верхняя пола были левыми. Подобный тип одежды тюрков прослежен по каменным изваяниям раннего тюркского времени¹². Для вторых характерен халат с запахом на правую сторону: правый борт, правая пола были верхними. Еще В. Рубрук писал: “Тюрки завязывали свои халаты на левом боку, а монголы на правом”¹³.

Проведение параллелей между системой запаха одежды и деления пространства жилища вполне правомочно. Так, в монгольской культуре термины, применявшиеся к характеристикам стороны света, использовались в описании наплечной одежды: спинка у монголов называлась “ар тал” (задняя сторона, термин, означающий север); передние борта делились на верхний, или внешний – “урьд энгэр” (букв. верхняя передняя сторона передней части или борта) и внутренний – “дотоод энгэр”¹⁴.

Противопоставление женской и мужской половины в жилище связано с естественным различием полов и стремлением разделения пространства на функциональные зоны согласно половому разделению труда. Но кроме того, в родовом обществе женщина являлась представительницей иного родового клана, экзогамной группы. В монгольском обществе воспрещались браки родственников как минимум до седьмого колена. Женская половина общины осмыслялась в мифологическом мировосприятии в качестве представителей иной экзогамной группы. Хотя в процессе свадебного ритуала происходил обряд включения молодой супруги в новый для нее род, в отдельных обрядах родового значения женщины не принимали участия.

Таким образом, оппозиция “левое” – “правое” включает традиционные представления о том, что категория “левое” (в монгольской культуре – “женское”) также связана с субэтнической (или этнической) дифференциацией. Намеченная символика деления пространства не столь явно прослеживается в семантике жилища, сколь линия, которую можно условно назвать несущей социальные ха-

рактистики (от входа к почетному месту в юрте). Но если принять за системную оппозицию “левое-правое”, прослеживаемую в одежде как компоненте материальной культуры, можно условно наметить линии, связанные с характеристиками “(суб)-этнической идентичности”: в тюркской юрте это линия юг-север, в монгольской – линия восток-запад. Эти линии перпендикулярны осям членения юрты на профанную и сакральную части, которые связаны с социальными характеристиками.

Представляется важным отметить следующее. Несмотря на функциональное соответствие частей юрты у тюркоязычных и монголоязычных кочевников названия, прилагаемые к ним (по линии “правое-левое”, условно нами называемой “характеризующей этническую идентичность”), противоположны. В традициях тюркоязычных кочевников противопоставлены две части юрты: “левое – мужское – юг” и “правое – женское – север”. В традициях монголоязычных народов присутствует другая оппозиция: “правое – мужское – запад” и “левое – женское – восток”. Взаимосвязь левой стороны с женской частью отражена, например, в калмыцкой загадке “Зүн бийд зүркн цецг” (“На левой (восточной) стороне – цветок сердца”, отгадка – хозяйка дома).

Зеркальное отражение не означает, как уже указывалось, различий в убранстве юрты. И у тюрков, и у монголов мужская половина находится по левую руку для входящего в дверь кочевого жилища. Однако противопоставление в традиционной культуре является знаковым. Исследуя этнические стереотипы в материальной культуре, Л.Л. Викторова пришла к выводу: “Древнетюркская одежда по сравнению с киданьской, шивэйской и монгольской (т.е. сяньбийской) по манере ношения была как бы их зеркальным отражением: ее запаховали на левую сторону, верхний борт, верхняя пола были левыми”¹⁵.

Таким образом, сопоставление этнодифференцирующей символики одежды тюрков и монголов в древности с системой деления пространства кочевого жилища (традиции которого складывались в процессе становления кочевого хозяйства, как и другие составляющие материальной культуры), позволяет наметить в символике юрты две оси. Одна из них связана с ориентацией по линии вход – почетное место (у монголов “юг – север”, в тюрков “восток – запад”) и с социальными характеристиками располагающихся

вдоль нее членов общества. Другая – с различиями пола, половым разделением труда, взаимосвязанным в родовом обществе также с субэтнической характеристикой. Вторая ось перпендикулярна первой, в тюркской юрте она проходит по линии “юг – север”, в монгольской – “запад – восток”.

Осмысление оппозиции “правое – левое” взаимосвязано значением терминов со смыслом “неправильный, ложный, противоположный” и “правильный, правый” в монгольской культуре. Так, слово “буру”, кроме значения “неправильный, ошибочный”, имеет значение “левая сторона”, “буру эргх” – вращаться против движения солнца, в обратную сторону, влево. Для этнических культур в целом характерно противопоставление дифференцирующих признаков. Семантика термина “буру”, с одной стороны, взаимосвязана с различиями в половом делении общества: двигаться в юрте следует по движению солнца, т.е. от правой (западной стороны) к левой (восточной) в монгольской системе координат кочевого жилища. “Неправильным” в представлении монгольских народов было именование “правой” (мужской) стороны тюркоязычными кочевниками “левой” (но также мужской). С другой стороны, значение термина “буру” отражает древнейшие этнодифференцирующие различия в таком важном компоненте материальной культуры, как одежда: как указывалось, ближайшие соседи, а зачастую (истории известно немало примеров) противники, – кочевники тюркского мира, именно таким образом (налево) запахивали распашной халат. Держать столовый прибор во время приема пищи в левой руке также означает “буру”, неправильное расположение; помимо формирования праворуконости, присущего системе воспитания в традиционном обществе, данный факт является подтверждением единства семантики “левого” в различных сферах материальной культуры. Напротив, слово “зөв” имеет значение не только “правильный”, но и “правый”.

Обратимость значений терминов со смыслом “правильный – неправильный” связана также с особенностями хозяйственно-культурного типа кочевников. Так, в калмыцком языке словосочетание “буру тал” (букв. “неправильная сторона”), кроме значения “левая сторона”, имеет значение “правая сторона по отношению к верховому животному”: именно с этой стороны не следует подходить к

коню. И наоборот, словосочетание “зөв талын дөрэ” (букв. “стремя правильной, правой стороны”) означает “левое стремя”. Возможно, эту обратимость значений следует считать одним из признаков более позднего освоения коневодства монгольскими племенами по сравнению с их этническими соседями.

Итак, значение терминов “правильный” и “неправильный”, связанное с понятиями “правый” и “левый”, в кочевом жилище связано с различиями в осмыслении стороны юрты у тюркоязычных и монголоязычных кочевников: то, что в монгольской юрте является “правой стороной”, в тюркской юрте – “левая сторона”. Причина состоит в различных точках отсчета (спиной к двери у входа – тюрки, спиной к почетному месту в глубине юрты – монголы).

Представляется необходимым обратить внимание на следующее. Значения “левый” - “правый”, хотя и связаны в кибитке калмыков с восточной и западной сторонами, могут и изменяться. Так, во время праздника наступления лета (в полнолуние первого летнего месяца) Урс сар обязательной являлась установка обрядовой кибитки вокруг зеленеющего молодого дерева, причем дверью на юго-восток. Таким образом, ориентация ритуальных действий полностью менялась. Среди монгольских народов данный праздник, как отмечают исследователи, древнего центральноазиатского происхождения, бытует только среди калмыков.

Кроме обрядового изменения ориентации кочевого жилища, оно может иметь иную систему координат в фольклорных материалах. Как отмечал Х. Лувсанбалдан, в эпической традиции “Джангара” встречается некоторое смещение названий сторон света: южная сторона может быть названа “стороной восхода солнца”. В обозначениях юга как стороны правой (“наран гархийн баруун бие, наран гархийн барун зүг, баруун тал”) определена эта сторона по отношению к восточной, т.е. правая, если стоять лицом к востоку¹⁶.

Подобные примеры позволили ученому согласиться с мнением В. Бартольда о том, что в древности монголоязычные народы также могли ориентировать жилище входом на восток, как и тюркоязычные народы, а затем изменение системы координат в пространстве кочевого жилища произошло в период возвышения киданей, под влиянием китайцев¹⁷. У калмыков до начала XX века сохранялось представление о том, что кочевое жилище может быть ориен-

тировано дверью на восток: кроме обрядовой практики календарного праздника Үрс сар, считалось, что вход на восток означает обращение к Тибету, местопребыванию Далай-ламы. Согласившись с мнением Х. Лувсанвандана, в то же время можно предположить, что изменение ориентации монголоязычными народами юрты на юг следует связывать с процессами дивергенции тюркских и монгольских племен из единой этно-лингвистической общности либо процессами межэтнических влияний в контактных зонах, в которых происходила интеграция культур.

Свидетельством бытования подобного представления о возможной смене системы координат может служить следующий факт. Для монгольской плечевой одежды характерен особый крой правый борт, имеющий прямоугольный выступ по линии ключицы, переходящий плавно в округлую линию к подмышке (“энгэр”). Являясь символом монгольской одежды, связан с правой стороной (у монголов ассоциирующейся с мужской и западной). Слово “энгэр”, кроме того, служит синонимом слова “южный”...которое в монгольском языке однозначно словам “перед”, “передний”. Поэтому энгэр обозначает вообще переднюю часть одежды, ее правые борты¹⁸. Подобное соотнесение в семантике одного элемента значений “правый” и “южный” сравнимо с разницей в 90 градусов в обозначении сторон света, которую заметил Х. Лувсанвандан в древнем эпическом памятнике, сложение которого происходило на протяжении не одного тысячелетия. Действительно, в юрте, стоящей входом на восток, правая сторона будет являться южной. Другой слой семантики “энгэра” связан с новой ориентацией для монголов (на юг), и с ним – появление значения “передний”, характерного только для такого расположения юрты.

Таким образом, сменяемость значений в фольклорных материалах, касающихся ориентации кочевого жилища; в терминологии, связанной с коневодством; в символике элементов монгольской одежды – свидетельствует о том, что знаковым, этноразличительным для тюркоязычного и монголоязычного мира в юрте является не столько расположение двери (которое менялось у монголов и меняется в калмыцких ритуалах Үрс сар), сколько система отсчета сторон “правая” – “левая”: лицом к почетному месту или ко входу. Система оппозиций построена на зеркальном отражении, и хотя в

юртах тюрков и монголов функциональное распределение пространства сходно, система “правое” – “левое” и их зеркального отражения остается главной этнодифференцирующей в семантике жилища. Это позволяет условно считать линию юрты, соединяющую мужскую и женскую половины, также связанной с этноразличительными чертами.

Зеркальность сторон в жилище и одежде, характеризующая этнические стереотипы в тюркском или монгольском мире, также отражена в нестрогой оппозиции терминологии, связанной с понятиями “правильный” – “неправильный”.

Так, в калмыцком языке “буру”, кроме “левой” (в принципе – восточной) стороны, может означать в определенном контексте и “позади”; “зөв” – кроме правой стороны (обычно связанной с западной), также и “вперед”. Заметим: в системе координат тюркской юрты “позади” означает часть пространства у двери (то есть восточная часть), а “вперед” – пространство около почетного места (то есть западная часть). Таким образом, семантика частей юрты в “системах координат” тюркской и монгольской юрты отражена в различных значениях терминов со значением “правильный” и “неправильный”. С периодом, когда монголы ориентировали свое кочевое жилище на юг, связано появление представления в качестве “неправильной стороны” также и о севере. Так, калмыцкая пословица гласит: “Буру хэлэсн нүкнд нарни толь тусдго” (“в нору, смотрящую на север, солнечный свет не заходит”).

Таким образом, анализ семантики жилища монгольских народов – юрты подтверждает вывод, сделанный исследователями материальной культуры, о том, что сложение кочевого хозяйства происходило одновременно со сложением этнических стереотипов, которые характерны для всех компонентов материальной культуры. Оппозиция “левое” – “правое”, связанная с этнодифференцирующими характеристиками, прослеживается не только в одежде, но и в других составляющих материальной культуры, в частности в жилище. Этноразличительные черты, характеризующие юрту в системе сторон света, оказываются взаимосвязанными с этнической историей и этногенезом различных этносов тюркского и монгольского мира. Обратимость значений, их зеркальность, так же как функциональное сходство, является свидетельством отдаленного

родства этих народов. Отмеченное Х. Лувсанванданом изменение системы координат в юрте монгольских кочевников могло произойти как в позднее время (период возвышения киданей), так и в более раннюю эпоху, характеризующую процессами дивергенции тюркоязычных и монголоязычных этносов.

¹ При поддержке РГНФ (проект №.02-01-00381 а).

Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. №.4: Вайнштейн С.И. Кочевники Центральной Азии. М., 1998; Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М., 1975; Дажаав Б. Юрта – основа монгольского зодчества. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974; Майдар, Пюрвеев Д.Б. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1982; Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; Wasilewski J. Space in Nomadic Cultures. A Special Analysis of the Mongol Yurts // Altaica Collecta. Wiesbaden, 1976; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979, и др.

Например: А. Байбурун. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; Wasilewski J. Space in Nomadic Cultures. A Special Analysis of the Mongol Yurts // Altaica Collecta. Wiesbaden, 1976.

⁴ Баумгартен К. Жилище // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. С.37.

Там же. С.38

Шнирельман В. Скотоводство // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. С. 160.

Викторова Л.Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С.5-15.

⁸ Там же. С.15.

⁹ Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996. С.114

¹⁰ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. С.64.

¹¹ Там же. С. 63.

¹² Викторова Л.Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 13.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрук. М., 1957.

¹⁴ Викторова Л.Л. Указ. соч. С.10.

³ Там же. С. 14.

⁴ Х. Лувсанбалдан. Слова, обозначающие стороны света в “Джангаре”: их семантика и символика // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985. С. 35.

⁵ Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // ЗВРАО. Пг., 1921. Т. 25. Вып. 1-4. С. 72.

⁶ Викторова Л.Л. Указ. соч. С. 10.

Ю.И. Сангаджиев

Тенденции в планировочной организации жилища (по материалам опроса жителей Республики Калмыкия)¹

В 2002 году в рамках научно-исследовательского проекта (№02-01-00381а) РГНФ нами были проведены анкетные опросы в Ики-Бурульском, Лаганском, Октябрьском, Юстинском и Черноземельском районах Калмыкии, а также в г. Элиста и его пригородных поселках. Для проведения исследования была разработана двухэтапная схема проведения работы. На первом этапе планировалось выявление общих направлений, характеризующих эволюцию жилища и представлений о нем опрашиваемых жителей республики. По результатам первого этапа предполагалось определение групп респондентов, обладающих наиболее развитой системой представлений о конкретных аспектах, как в организации жилища, так и в соблюдении традиций, связанных с процессами проживания в собственном жилье.

В результате проведенного обследования выявились следующие факторы, влияющие на направления эволюционного формирования жилища. С одной стороны – это наличие фактора «генетической памяти поколений» в поведенческих аспектах жизнедеятельности, связанных с бытовыми процессами, верованиями и традициями проживания; с другой – современные условия проживания, которые обусловлены состоянием строительной технологии жилищного строительства и сложившимися принципами его проектирования. Эти факторы опосредованно влияют на формирование двух противоположных тенденций, создающих представление жителей республики о собственном «идеальном» жилище, и наглядно отражаются в ответах наших респондентов.

В результате проведения первого этапа опросов были опреде-